

Секция «История нового времени стран Европы и Америки»

Эпоха Террора по воспоминаниям заключенных парижских тюрем

Научный руководитель – Бовыкин Дмитрий Юрьевич

Бастракова Анна Евгеньевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра новой и новейшей истории, Москва, Россия

E-mail: bastrakova999@gmail.com

Эпоха Террора является одним из наиболее интересных феноменов Французской революции. Степень изученности политического режима Террора довольно высока: историки много лет исследуют причины, вызвавшие его к жизни, его событийную канву, теоретическую базу. При этом в историографии основной акцент смещен на анализ взглядов его идеологов [см., например, 1 или 10]. Речь идёт, конечно, о Максимилиане Робеспьере, Луи Антуане Сен-Жюсте и, в сравнительно меньшей степени, о Жорже Кутоне, который был не столько теоретиком, сколько практиком режима. Вместе с тем в историографии эпохи Террора в целом до сих пор обнаруживаются лакуны. В частности, совсем не много известно о том, как Террор воздействовал на своих жертв и воспринимался ими. В рамках исследования мы обратились к воспоминаниям заключенных парижских тюрем в период Французской революции для того, чтобы заполнить этот пробел в историческом знании. В число источников вошёл целый ряд эго-документов: воспоминания и дневники представителей как рядового населения Франции (журналистов, литераторов, солдат, банкиров, губернёров), так и лиц, обладавших политической властью - депутатов Конвента из числа Жиронды, арестованных после переворота 31 мая-2 июня 1793 года. Все эти источники объединены в сборник, составленный литератором и публицистом Пьером-Жаном-Батистом Нугаре в 1797 году с целью обличить жестокости и преступления деятелей эпохи Французской революции.

Мы считаем справедливым довольно распространённое в историографии мнение, в соответствии с которым переворот 10 августа, рост арестов подозрительных и сентябрьские расправы 1792 года, а также падение Жиронды и последовавшие за этим аресты жирондистов в 1793 году стали своеобразными предпосылками к складыванию Террора монтаньяров. Об этом говорят в том числе и известные французские историки Революции, в частности, Адольф Тьер [11, С. 481], Анри Валлон [35, V. 1, P. 1], Альбер Собуль [33, P. 253-258]. Подобную точку зрения разделяли и многие мемуаристы-герои нашего исследования.

В поле нашего зрения, таким образом, попадает не только режим Террора монтаньяров, но и события, предшествовавшие и сопутствовавшие его складыванию. Иными словами, хронологические рамки исследования - с августа 1792 года до конца лета 1794 года.

Цель доклада - изучить то, каким Террор, а также события, предшествовавшие его становлению как политической системы, видели не его идеологи и вершители, а его жертвы, какое влияние он оказывал на их судьбы, взгляды, творчество, психологическое состояние.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

Можно утверждать, что эпоха Террора началась для заключенных ещё с событий 2 и 3 сентября 1792 года. Опыт сентябрьских расправ повлёк за собой формирование у узников, пожалуй, самого большого страха - страха повторения массовой резни, от которой можно было спастись разве что только чудом. Согласно воспоминаниям очевидцев сентябрьских расправ, разгоревшаяся в то время народная ненависть ожидаемо переплелась с корыстными мотивами выдвинувшихся тогда лидеров и вылилась в тотальное судилище [26, P. 41, 54].

Самую эпоху Террора с её многочисленными арестами и казнями авторы воспоминаний и их товарищи по несчастью воспринимали, разумеется, негативно. Критика режима встречалась повсеместно, очень часто её облачали в стихотворную форму, связывая со своими личными несчастьями. Робеспьер представлялся мемуаристам узурпатором и тираном, натравившим своих сатрапов на мирных граждан Франции, теперь повергнутых в нищету и охваченных страхом. Именно его и его приспешников авторы обвиняли во всех бедах страны. Ни один из мемуаристов не ратовал за контрреволюцию и реставрацию королевской власти. Все наши герои, если верить их воспоминаниям, были искренними сторонниками Революции [см., например, 20, Р. 269 или 28, Р. 236].

Режим Террора в тюрьмах воплотился в бесконечных вереницах арестов, вызовов заключенных в трибунал и отправках на эшафот. Именно эти процессы определяли всё существование узников. В остальном же их судьба зависела от воли управляющих тюрьмами, которых мемуаристы неоднократно сравнивали с турецкими визирями, деспотами и императорами, а их самоуправство считали одним из последних оплотов феодализма, на борьбу с которым и была направлена Революция [24, Р. 163].

Условия жизни были одинаковы не во всех домах заключения, однако во многом зависели от толщины кошелька заключенного. Можно утверждать, что в эпоху Террора тюрьмы оставались единственным местом, где не стремились бороться с экономическим неравенством, а, наоборот, попустительствовали ему. Справедливости ради, попытки частичного уравнивания всё же совершались. Пример тому - режим общего стола, введенный во многих домах заключения ближе к концу эпохи Террора.

При сохранении неравенства материального среди узников формировалось единство другого толка. В его основе - естественное стремление сплотиться перед лицом общей опасности. Оно перевешивало как разницу во взглядах, так и в экономическом и социальном положении заключенных.

Нельзя не отметить и значительное упрощение отношения узников к смерти. Они научились жить, соседствуя с ней, вести привычную рутину, смиряясь с казнями тех, кто ещё вчера был рядом с ними. О смерти говорили свободно. Процесс в трибунале, подъём осужденного на эшафот, даже сама процедура обезглавливания стали частью пародийной игры заключенных, в ходе которой всё переворачивалось с ног на голову; «обвинитель» становился «обвиняемым» и тоже лишался жизни [16, Р. 642].

В то же время у заключенных формировалось и новое отношение к суициду как к форме борьбы, протесту против революционных властей, свидетельствующему о силе духа. В стихотворениях узников встречаем и концепцию смерти как единственно возможного в сложившихся условиях пути к освобождению.

Источники и литература

- 1) Бачко Б. Робеспьер и террор // Исторические этюды о французской революции. М., 1998. С. 141-154.
- 2) Блан Л. История Французской революции 1789 года. СПб., 1907-1909. Т. I-XII.
- 3) Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020.
- 4) Генифе П. Политика революционного террора, 1789-1794. М., 2003.
- 5) Гордон А. В. Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты. СПб, 1995. С. 364-391.
- 6) Ленотр Ж. Повседневная жизнь Парижа во времена Великой революции. М, 2006.
- 7) Манфред А. З. Великая французская революция. М, 1983.
- 8) Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.

- 9) Минье Ф. История Французской революции. СПб, 1906.
- 10) Тэвдой-Бурмули А. И. Логика торжествующей добродетели: Робеспьер и идея революционного насилия // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о французской революции конца XVIII века: (Сборник). М., 2003. С. 213-254.
- 11) Тьер А. История французской революции (1788-1799). СПб. -М., 1873-1877. Т. I-V.
- 12) Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М, 2007.
- 13) Чудинов А. В. У истоков революционного утопизма: (Из цикла "История соц. учений"). М., 1991.
- 14) Biré E. Paris pendant la terreur. Paris, 1890.
- 15) Blanqui J-D. L'agonie de dix mois, ou les souffrances des 73 députés, pendant leur incarcération // Histoire des prisons de Paris et des départemens ; contenant les Mémoires rares et précieux. Le tout pour servir à l'histoire de la révolution française : notamment à la tyrannie de Robespierre, et de ses agens et complices. Ouvrage dédié à tous ceux qui ont été détenus comme suspects. Rédigé et publié par P.-J.-B. Nougaret... (далее – Histoire des prisons.) Vol. 1. P. 155-182.
- 16) Bled V. La Société dans les prisons de Paris pendant la terreur// Revue des Deux Mondes. 1890. Vol. 97. №3. P. 620-652.
- 17) Caron de Beaumarchais P.-Au. L'incarcération et les terreurs paniques du çit. Caron-Beaumarchais // Histoire des prisons. Vol. 1. P. 102-131.
- 18) Coittant Ph.-E. Journal des évènements arrivés à Port-Libre, depuis mon entrée dans cette maison // Histoire des prisons. Vol. 2. P. 203-340.
- 19) Collas G. Dans les prisons de la Terreur//Annales de Bretagne. 1953. Vol. 60. №1. P. 5-47
- 20) Doucet-Suriny R.-P. Mes trois incarcérations dans quatre différentes maisons d'arrêt // Histoire des prisons. Vol. 1. P. 268-286.
- 21) Fehér F. The frozen revolution: an essay on Jacobinism. Cambridge, 1987.
- 22) Furet F. La Révolution. Paris, 1988.
- 23) Greer D. The Incidence of the Terror during the French Revolution. A statistical interpretation. Cambridge, 1935.
- 24) Lespinard P. L'humanité méconnue, ou les horribles souffrances d'un prisonnier // Histoire des prisons. Vol. 3. P. 160-202.
- 25) Mayer A. J. The furies: Violence and terror in the French and Russian revolutions. Princeton, Oxford, 2002.
- 26) Méhée de La Touche J.-C.-H. Les journées des 2 et 3 septembre, aux prisons de l'Abbaye ; par un Témoin oculaire // Histoire des prisons. Vol. 1. P. 37-59.
- 27) Nougaret P.-J.-B. Histoire des prisons. P., 1797. 4 vol.
- 28) Riouf H.-J. Mémoires d'un détenu; par le citoyen Riouf // Histoire des prisons. Vol. 1. P. 182-249.
- 29) Saint-Esprit D. Histoire de la terreur, 1793-1795. Paris, 1843.
- 30) Saint-Méard F.J. Mon agonie de trente-huit heures// Histoire des prisons. Vol. 1. P. 1-35.
- 31) Saint-Sernin L. F. La Mairie, La Force, et Le Plessis // Histoire des prisons. Vol. 3. P. 25-82.
- 32) Savine A. Les cachots de Paris sous la terreur. (Souvenirs de Prisonniers) Annotés d'après les documents d'archives et les mémoires. Paris, 1911.

- 33) Soboul A. La Révolution française. Paris, 1984.
- 34) Tableau du Luxembourg, fait par un suspect, arrêté en frimaire, l'an deuxième // Histoire des prisons. Vol. 2. P. 100-103.
- 35) Wallon H. La Terreur : études critiques sur l'histoire de la Révolution française. Paris, 1873. 2 vol.
- 36) Walter G. Histoire de la Terreur. 1793-1794. Paris, 1937.